

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

КНИГИ
ДЖЕЙМСА ХЭРРИОТА

О всех созданиях —
больших и малых

•
О всех созданиях —
прекрасных и разумных

•
О всех созданиях —
мудрых и удивительных

•
И всех их создал Бог

•
Вечное чудо жизни

•
Кошачьи истории

•
Собачьи истории

Джеймс
Хэрриот

СОБАЧЬИ
ИСТОРИИ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Вступление

Я пролистываю страницы этой книги, и у меня возникает ощущение, что круг замкнулся. Мальчишкой я обожал собак и мечтал стать собачьим доктором, а потом всю жизнь лечил коров, лошадей, овец и свиней, но вот теперь, на склоне лет, издаю книгу собачьих историй, и, по-моему, она требует не вступления, а скорее объяснений.

В сущности, все очень просто. Мое детство в Глазго было тесно связано с собаками — и моими, и чужими. Мы жили на западной окраине города, и из моего окна открывался вид на Клайд и Нейлстон-Пад — от холмов Килпатрик и Кэмпси на севере до холмов за Бархедом на юге. Эти зеленые холмы притягивали меня, и, как ни далеко до них было, я отправлялся в пешие прогулки среди них, мимо последних, в беспорядке разбросанных домов до вершин, откуда я мог любоваться морскими заливами и горами Аргайла. Теперь, когда я вспоминаю эти расстояния, они кажутся мне огромными — часто я проходил за день тридцать миль! И со мной всегда был Дон, ирландский сеттер, поджарый красавец с блестящей шерстью. Он разделял мою страсть к сельской природе.

Часто на прогулку со мной отправлялись мои приятели, и нам в эти долгие солнечные дни особенно нравилось смотреть, как резвятся и играют друг с другом наши собаки. И даже в те ранние годы я старался

разобраться в их характерах и поведении. Для меня собака никогда не была чем-то само собой разумеющимся. Почему они так преданы людям? Почему они обожают наше общество и, когда мы возвращаемся домой, встречают нас с бурным восторгом? Почему для них высшее удовольствие — быть с нами дома или в любом другом месте? Ведь они, в конце концов, всего лишь животные и, казалось бы, в первую очередь должны искать пищу и безопасность, а они одаряют нас любовью и преданностью, которым нет предела. И еще одно: при таком разнообразии в росте, форме тела и окрасе их всех объединяют несколько важнейших свойств. Почему? Почему?

Я взял мой любимый справочник — Детскую энциклопедию Артура Ми — и ничуть не удивился, узнав, что собаки — любимые друзья человека уже тысячи и тысячи лет. Египтяне лелеяли их, и, вероятно, они были неотъемлемой и существенной частью семейного быта в пещерах каменного века. Еще я запомнил, что происходят они, по-видимому, от волков или от шакалов. Все это было очень интересно, но не вполне объясняло, в чем же заключается их магия, и я продолжал ей удивляться. За всем этим таилось смутное желание всегда быть с собаками, всю жизнь посвятить им, но я не представлял себе, как подобная мечта может осуществиться.

Только когда я увидел статью в журнале для подростков «Меканоу мэгэзин», мечта начала обретать практическую основу.

ВЕТЕРИНАРИЯ КАК ПРОФЕССИЯ! Я стану ветеринарным врачом и буду все время с собаками — осматривать их, лечить, спасать от смерти. У меня голова пошла кругом.

Я все еще пытался освоиться с этой ошеломляющей идеей, когда в нашу школу побеседовать с нами

приехал старый доктор Уайтхаус, глава Ветеринарного колледжа в Глазго. Как, наверное, обидно сотням и сотням молодых людей, тщетно пытающихся поступить в ветеринарные колледжи, узнать, что в мое время эти учебные заведения всячески заманивали потенциальных студентов и студенток. Причина была простой. В тридцатых годах страна задыхалась в тисках небывалой экономической депрессии, многие люди не могли позволить себе заводить в доме собак или кошек, и — что, пожалуй, важнее всего — рабочие лошади, основа основ и слава ветеринарной профессии, стремительно исчезали с полей и улиц. Ветеринары никому были не нужны.

Доктор Уайтхаус, однако, не желал признать, будто ветеринария находится при последнем издыхании. Он сказал нам, что, избрав эту профессию, богатыми мы не станем, но зато наша жизнь будет полна удивительного разнообразия и принесет особое удовлетворение.

И я попался. Мне стало совершенно ясно, как я хочу распорядиться своей жизнью, но препятствия на пути к цели выглядели огромными: ветеринария требовала знания точных наук, а в них я был очень и очень слаб. В школе мне особенно хорошо давались родной и иностранные языки, и я уже отделился от группы учеников, избравших такие предметы, как физика и химия. Мне почти исполнилось четырнадцать, и через каких-нибудь полтора года я буду сдавать выпускные экзамены. Менять что-либо было уже поздно.

Как поступить? Я отправился в Ветеринарный колледж поговорить с доктором Уайтхаусом. Это был удивительный человек — сильный, доброжелательный, с мягким чувством юмора. Он терпеливо выслушал сбивчивый рассказ о моих проблемах.

— Я люблю собак, — сказал я ему. — И хочу работать с ними. Хочу стать ветеринаром. Но в школе я занимаюсь родным языком, французским и латынью. Ни одной научной дисциплины. Смогу ли я поступить в колледж?

— Ну конечно! — Доктор Уайтхаус улыбнулся. — Тебе нужно сдать четыре экзамена, чтобы получить право на зачисление в наш колледж. А какие именно предметы — значения не имеет. Физикой, химией и биологией ты сможешь заняться на первом курсе.

Опять-таки современным студентам это покажется невероятным, но мне словно бросили спасательный круг.

— Я почти уверен, что сдам!

— Вот и хорошо, — сказал он. — Значит, тебе не о чем беспокоиться.

Я замялся.

— Вот с математикой мне придется помучиться. Ну никак она у меня не идет! А ветеринару математика очень нужна?

Улыбка доктора Уайтхауса стала заметно шире.

— Только чтобы подсчитывать дневную выручку, — ответил он.

Вот так. Теперь мне было ясно и чего я хочу, и как этого добиться. Последние два года я занимался очень упорно и сейчас посмеиваюсь, вспоминая, сколько часов я потратил, постигая эти, словно бы бесполезные, предметы. Особенно латынь. Латынь мне нравилась, и я с наслаждением просиживал вечера над Вергилием, Овидием и Цицероном. Под конец, мне кажется, я мог бы лихо побеседовать с каким-нибудь древним римлянином, но ехидный внутренний голос спрашивал: а зачем все это студенту ветеринарного колледжа? «Но это поможет тебе разбираться в медицинской

терминологии!» — ободряли меня доброжелательные люди.

Да, правда, но занятия биологией были бы мне куда полезней!

Как я и надеялся, четыре экзамена я сдал — три с отличием, а математику кое-как. И то удивительно — такой я был тупица во всем, что касалось математики. Но тогда говорили: сдай латынь с отличием и тебе как-нибудь натянут проходной балл. Возможно, так со мной и было. Меня это мало смущало. Главное — я поставил ногу на первую ступеньку лестницы. Меня зачислили в Ветеринарный колледж Глазго. И я буду, буду лечить собак!

Я точно знал, каким собачьим доктором стану. Все лето перед началом занятий в колледже я предавался грезам и четко видел, как стою в белоснежном халате и хирургической маске посреди сверкающей чистотой и никелем операционной. Меня окружают хирургические сестры, а на столе лежит собака, которой я возвращаю жизнь, блистательно орудуя скальпелем. Или в том же белом халате я в сияющей чистотой приемной одну за другой исцеляю собак — больших и маленьких, виляющих хвостом или уныло его поджимающих, но всех без исключения милейших симпатяг, которым только я могу вернуть жизнь и здоровье. Райское будущее!

Однако в первые же дни осеннего триместра я обнаружил, что власти предержавшие отнюдь не намерены поддерживать меня в моих чаяниях. У них были иные планы — сделать из меня лошадиного доктора!

Программа обучения будущих ветеринаров оставалась прежней вопреки кардинальным переменам вокруг, и все, чем мы занимались, было так или иначе связано с лошадьми. Иерархический порядок выра-

батывался веками — лошадь, корова, овца, свинья, собака. Словно навязчивая строчка модной песенки, она звучала вновь и вновь во всех учебниках, которые мы штудировали, и проникала нам в мозг и кровь. Огромный том Анатомии домашних животных Сиссона содержал исчерпывающее описание костей, мышц, пищеварительной системы и т. д. лошади, впятеро меньше места занимал раздел, посвященный корове, еще меньше — овце, совсем мало — свинье, а бедной собаке его и вовсе почти не досталось.

То же самое и в важнейших вопросах ухода за животными. Перелистывая пожелтевшие страницы моего учебника почти полувековой давности, я вновь убеждаюсь, что он почти весь посвящен подковыванию лошадей, устройству конюшни, чистке, подрезанию копыт, сбруе, седлам, но главное — подковыванию. Мы были обязаны уметь подковать лошадь, точно знать, как снять старую подкову и как прибить новую. Мы проводили часы в едком дыме кузниц. И мы должны были уметь запрячь лошадь без единой ошибки — хомут, его крючья, сбруя: чересседельник и седёлка, узда и вожжи, и, конечно, подпруга.

Все это явилось для меня сюрпризом. Но даже еще более неожиданным было отношение к занятиям и усидчивости. В хиллхедской школе я привык к строгости и требовательности. Учителя относились к своим обязанностям серьезно и ставили перед учениками трудные задачи. Они заставляли нас овладевать знаниями, и нерадивость тут же каралась несколькими ударами кожаного ремешка. Теперь же я очутился в мире, где, казалось, никому не было дела, учусь я чему-нибудь или нет.

В наши дни ветеринарный факультет Университета Глазго по праву считается одним из лучших в ми-

ре — новейшее оборудование, блестящий преподавательский состав. Ветеринарный колледж полвека назад был совсем другим.

Он помещался в длинном обветшалом здании, которое, как мне говорили, в дни конки было конюшней. Судя по его виду, такая версия более чем вероятна. Для большей солидности его выкрасили в тошнотворно-желтый цвет, но это делу не помогло.

В конце двадцатых годов правительство ввиду сокращения потребности в ветеринарах решило закрыть колледж в Глазго и лишило его дотации. Однако попечительский совет сложился в попытке сохранить колледж, и, когда я поступил в него, они все еще умудрялись держаться на плаву, экономя на чем только можно.

Преподаватели наши, за редким исключением, были старые, удалившиеся от дел практики. Некоторые достигли весьма преклонного возраста, оглохли, полуослепли и мало интересовались тем, что делали. Преподаватель ботаники и зоологии попросту читал нам вслух учебник. Порой он пролистывал страницу, но ничего не замечал, пока мы не начинали вопить. Тогда он смотрел на нас поверх очков, снисходительно улыбался и без малейшего смущения возвращался к пропущенной странице. Мы его очень любили и после лекции, едва он заключал ее неизменной шуточкой, обязательно устраивали ему овацию.

— Ну-с, джентльмены, — говорил он, забывая, что среди нас есть и девушка, — мои золотые часы показывают, что наше время истекло, — и благосклонно принимал наши рукоплескания.

Студенты тогда тоже были иными. Много сыновей фермеров с севера и даже с Гебридских островов. Мне очень нравились эти шотландские юноши: вежливые,

добросовестные, одетые в мохнатый твид и говорившие между собой по-гэльски. Остальные были городскими ребятами вроде меня со всех концов Британии.

Особенное же потрясение я испытал, когда оказалось, что некоторые учатся в колледже уже очень долго и без малейшего успеха.

Один, по фамилии Макалун, пробыл там одиннадцать лет и добрался только до второго курса. Он тогда был рекордсменом, а еще несколько человек перевалили за десять лет. Объяснения искать не приходилось. Колледж отчаянно нуждался в средствах. Стипендий студентам не платили, за проваленные экзамены не исключали, и до тех пор, пока родители таких ветеранов продолжали платить за них, они оставались ценными членами этого мирка. Однако особенно большим уважением пользовался студент с одиннадцатилетним стажем, и когда он в конце концов ушел из колледжа, чтобы поступить в полицию, все были очень огорчены. Старый доктор Уайтхаус, читавший тогда анатомию, заметно расстроился.

— Мистер Макалун, — сказал он, кладя на стол лошадиный череп и махнув указкой в сторону пустого места, — сидел на этом табурете одиннадцать лет. Без него нам будет очень непривычно!

Вечные студенты образовывали тесный счастливый кружок и значительную часть дня играли в покер на крышке рояля в комнате отдыха. Кстати, среди них не было ни одного с шотландского севера или гор. Эти последние посещали все лекции, снимали комнатухи в трущобах Глазго, питались овсянкой и селедкой, а в конце года получали медали.

Поскольку наше образование сосредоточивалось главным образом на лошадях, нас приобщали к тонкостям обращения с ними, в частности к принципам верховой езды. Раз в неделю наш класс отправлялся

в Мотеруэлл, где мы скакали по лугу на всевозможных клячах, устремлялись в кавалерийскую атаку по узким переулкам между сталелитейными заводами и мешали уличному движению. Мало кто из нас до колледжа хоть раз сидел в седле, но никакой предварительной подготовки не полагалось, а потому мы постоянно грохались на землю и, если ударялись о нее непокрытой головой, нередко получали сотрясение мозга. Сам я на несколько дней лишился памяти, и мои родители опасались, как бы я не забыл все, чему успел научиться.

В анатомической лаборатории вскрывали мы, конечно, почти только лошадей, и тот же принцип главенствовал в изучении «Материи медика» — дисциплины поистине необъятной и сложной, охватывающей действие и применение всех лекарственных препаратов, употребляемых для лечения животных. Теперь предмет этот называется фармакологией и рассматривает главным образом антибиотики, сульфаты и стероиды. Но в моих учебниках тридцатых годов о них не было ни слова. Ведь их еще не открыли. Вместо них, осторожно листая страницы и извлекая на свет цветы, засушенные моей дочуркой тридцать лет назад, я вижу почти бесконечный список медикаментов, полностью вышедших из употребления. «Щелочи», «Металлы», «Неметаллические элементы», «Кислоты», «Углерод и его производные», «Растительное царство», и под каждым заголовком — устрашающее перечисление лекарств с их латинскими названиями и описанием воздействия на лошадь, затем на рогатый скот, потом на овцу, свинью и в заключение — на собаку.

Врачам, лечащим людей, требовалось заучить только одну дозировку, а ветеринару — пять. И в том же иерархическом порядке, запечатленном в моем древ-

нем учебнике. Все та же гнетущая литания: лошадь, корова, овца, свинья, собака.

Но в общей атмосфере колледжа ничего гнетущего не было. Только беззаботная непринужденность. Казалось, никого не интересует, посещаем мы лекции или нет. Это практически предоставлялось на наше усмотрение. И многие предпочитали дуться в карты на рояле, а если все-таки шли на лекцию, то продолжали игру там. По временам звяканье монет в заднем ряду заглушало монотонное бормотание преподавателя.

Боюсь, мы сильно допекали бедных стариков — кричали, хохотали, швырялись разными предметами, подстраивали друг другу всякие пакости. Старичок, читавший нам гистологию, был глух как пень, но, видимо, нисколько об этом не жалел, безмятежно бормоча лекцию посреди содома и гоморры.

Мне все это казалось изумительным, особенно после моих суровых школьных дней, и очень скоро я радостно усвоил новые привычки. Старожилы у рояля охотно принимали в свой круг новичков, я быстро присоединился к ним и не замедлил открыть, что покер — увлекательнейшее времяпрепровождение. Беда была лишь в том, что я постоянно проигрывал. И хуже того — влез в долги. Завороженный игрой, я, когда спустил деньги, выдававшиеся мне на обед и проезд, начал играть на слово и вскоре обнаружил, что задолжал всем по несколько шиллингов, а платить нечем.

Замученный угрызениями совести, я взвесил свое положение. В шестнадцать лет я еще хорошо помнил назидательные повести моего детства — «Эрик, или Мало-помалу», «Приключения золотых часов». В них рассказывалось о страшной судьбе мальчика, который падал все ниже и ниже, играя в карты на деньги

и предаваясь другим порокам. И все это относилось непосредственно ко мне: не я ли плачу черной неблагодарностью моим труженикам-родителям, попусту растрачивая юность у рояля?! Я отказался от карт и ввел для себя режим строжайшей экономии. Часть дороги до колледжа проходил пешком, сберегая плату за проезд на автобусе и трамвае, а обедал неудобоваримым куском теста, который в нашем буфете именовался яблочным пирогом и успешно отбивал у меня аппетит до самого вечера. В конце концов я сумел расплатиться с моими кредиторами, которые, когда я раздавал причитающиеся с меня шиллинги, словно бы удивлялись и почему-то посмеивались. Их чувства наиболее афористично выразил, пожалуй, дюжий уроженец Глазго, опуская в карман причитавшиеся ему монеты.

— Карточные долги платишь! — сказал он сквозь смех. — Ну, ты плохо кончишь!

В карточной игре я больше никогда участия не принимал, но остался усердным зрителем. Эти добродушные бездельники, ветераны тысячи проваленных экзаменов, внушали мне теплую привязанность, и я вспоминаю их с нежностью, потому что теперь таких уже не найти. И мне становилось грустно, что с каждым годом в колледже ряды их редеют. Несколько стали коммивояжерами, торгующими последней технической новинкой — пылесосами, и я часто спрашивал себя, как устроилась их жизнь.

Как я уже говорил, преподавание в старом колледже часто походило на анекдот, да и вся учебная программа была, по сути, средневековой, однако имелись и свои светлые стороны. Мы проходили большую практику. Собственной клиники у колледжа не было, а потому мы наблюдали работу ветеринара в обычных условиях. Попросту говоря, весь последний год у нас

была только одна утренняя лекция, а все остальное время мы проводили с кем-нибудь из местных ветеринаров. И вот в этом реальном мире было очень мало лошадей и очень много собак.

Мне повезло. Я был практикантом у Доналда Кэмпбелла в Ратерглене — прекрасного человека и выдающегося ветеринара; однако при моем интересе к собакам главной моей удачей явилась возможность поработать в приемной великого Уайперса в самом сердце города. Билл Уайперс (теперь сэр Уайперс), впоследствии декан нового ветеринарного факультета Университета Глазго, на много лет опережал свое время. Он начал лечить только мелких животных и поднял свою практику на уровень в то время неслыханный. Человек блестящих способностей, большого личного обаяния, наделенный неумемной энергией, он вызывал у своих студентов буквально поклонение. Ну а я был совершенно очарован. Весь день только собаки и кошки! А когда я увидел великолепную операционную, первоклассные хирургические методики, рентгеновский аппарат и лабораторию, где производились анализы крови, бактериологические и разные другие, у меня осталась только одна мысль: когда-нибудь и у меня будет то же!

Такое накопление практического опыта имело огромное значение, но в те старые дни было еще одно преимущество перед нынешними: закон тогда не запрещал студентам ветеринарных колледжей работать самостоятельно. Некоторые из нас помогали местным ветеринарам по субботам и воскресеньям, и в возрасте девятнадцати лет я даже замещал ветеринара в течение двух недель. Он уехал отдыхать, а свою практику поручил мне, желторотому студенту. Длились эти две недели целую вечность, но принесли мне большую пользу.